

У исторической карты народов мира

ЛИВЫ

Когда во второй половине XII в. в низовье р. Даугавы (Западной Двины) появились немецкие торговцы и миссионеры, они встретились здесь с народом, известным в источниках под названием «ливы» (līvones, либь), — первыми, кто из народов Прибалтики оказался в центре «внимания» пришедших из-за моря католических агрессоров. Ливам пришлось принять на себя первые удары иноземных захватчиков. Их территория стала главной ареной почти непрерывных военных походов в конце XII — начале XIII века. Здесь же, на берегах Даугавы и Гауи, немцам удалось создать опорные пункты для продолжения и развития агрессии против народов Прибалтики. Не удивительно поэтому, что в источниках того времени, в частности в «Хронике Ливонии» священника Генриха, ливам отведено относительно большое место. По их имени с XIII в. вся территория, соответствующая современной Латвии и Эстонии, получила название «Ливония», и даже здешние немцы стали позднее называть себя ливонцами.

Ливы были родственны по языку эстонцам, финнам и другим прибалтийско-финским народам. Это доказывается хотя бы ливской топонимикой, личными именами, а также отдельными словами, известными нам из письменных источников. По словам хрониста Генриха, ливы по внешнему облику были настолько близки к эстонцам, что немцы иногда не могли их различить. В то же время ливскому языку присущи черты, отличающие его от эстонского и других род-

ственных языков¹. Таковы прежде всего многие заимствования из балтских (латышско-литовских) языков. Правда, балтские заимствования встречаются во всех прибалтийско-финских языках. Но в ливском их значительно больше. Ливы — самая южная из прибалтийско-финских группировок, поэтому их история тесно связана с балтскими соседями. Впрочем, следы этих контактов не односторонние: они прослеживаются не только в ливском языке и культуре, но и в латышском, особенно в некоторых диалектах. Своеобразие пройденного ливами исторического пути отразилось и на оставленных ими археологических памятниках, а также в антропологическом типе.

Несмотря на то, что первые попытки определить заселенную ливами в начале II тысячелетия н. э. территорию были сделаны еще в середине XVIII в., лишь к концу XIX в. по мере накопления и разработки данных письменных исторических источников, лингвистики и археологии эта проблема в общих чертах была решена. Ливы населяли земли по восточному берегу Рижского залива, от Даугавы на юге до границ Эстонии на севере. Правда, восточная граница этой территории определилась не везде точно. В среднем она находилась на рас-

¹ П. А. Аристе. К вопросу о развитии ливского языка. «Труды» Института языкознания АН СССР. Т. IV. М. 1954, стр. 254 сл.; его же. Ливы и ливский язык. «Известия» АН Латвийской ССР. Вып. II. 1958. стр. 31 сл.

стоянии 80—100 км от моря. Особо следует отметить в установлении древнеливской территории заслуги А. Биленштейна. Его капитальный труд об этнической и исторической географии территории Латвии² не утратил своего научного значения, несмотря на некоторые ошибочные выводы, и по сей день.

Из данных «Хроники Ливонии» видно, что из всей территории ливов более густой населенностью выделялся бассейн низовья Даугавы. Об этом же свидетельствуют обнаруженные по ее берегам многие могильники и поселения древних ливов. Для даугавских ливов характерны грунтовые погребения, хотя встречаются и курганные. Как правило, умершие лежат головой на север или северо-запад. Кроме различных предметов труда, оружия и украшений, в могилу клали глиняный сосуд с едой. Иногда вместе с человеком хоронили и собаку. В 20—30% захоронений наблюдались трупосожжения, в остальных — трупоположения.

По сообщениям хрониста Генриха, а также согласно археологическим данным, основные центры даугавских ливов были расположены на северном берегу реки: Холм (современный Саласпилс) и Икескола (Икшкиле), места, где в 1180-е годы начал свою миссионерскую деятельность первый епископ Ливонии Мейнхард, где были построены первые католические церкви и каменные замки. По концентрации археологических памятников территория древней округи Холма занимает в Прибалтике, пожалуй, одно из значительнейших мест. Именно население Холма оказало немцам самое упорное сопротивление. Центром Холма было обширное поселение на острове Мартынсала возле Саласпилса, исследованное за последние годы латвийским археологом Э. Мугуревичем. К востоку от Холма и Икесколы лежали округа Леневарде (современная Лиелварде) и Аскрад (Айзкраукле, Ашераден).

Ряд исследователей считал, что северный берег Даугавы являлся границей территории ливов. Но данные археологии свидетельствуют, что ливы, по крайней мере местами, населяли и южный берег реки. В их владении находились также окрестности современной Риги. Согласно хронисту Генриху, Рига была основана Альбертом,

третьим епископом Ливонии, в 1201 году³. Но результаты археологических раскопок⁴ свидетельствуют, что территория Риги была заселена и ранее. Кроме пристани и торгового центра, здесь находились городище и несколько поселений. Правда, в конце XII в. по своему значению Рига еще уступала Холму и другим основным центрам даугавских ливов. А к 1204—1205 гг. вся их территория была завоевана немецкими рыцарями и военными отрядами купечества.

Вторым важным районом расселения ливов являлась территория по Гауе. Основные центры гауяских ливов находились на территории по берегам реки, около современных Сигулды, Турайды и Кримулды. В начале XIII в. здесь, в прославленных своей природной красотой местах, разыгрывались бурные политические и военные события. Их свидетелями были расположенные на крутых берегах Гауи сильно укрепленные замки ливской знати. Там же находились крупные курганные могильники — десятки, а иногда и сотни насыпей⁵. Здесь же, в Кубезеле (современная Кримулда) и Торейде (Турайда), на северном берегу реки, помещались владения известного представителя ливской знати Каупо. Обуреваемый жаждой власти и ослепленный внешним блеском католической церкви, он вместе с монахом Теодорихом побывал в Германии и даже в Риме, где был, по словам хрониста Генриха, ласково принят папой римским. Каупо стал прислужником немецких завоевателей в их агрессии не только против эстонцев, но и против своего собственного народа. В 1206 г. он вместе с врагами сжег замок своего отца. В 1217 г. Каупо убили. На противоположном берегу, в Сатезеле (Сигулда), находились владения и замок другого знатного лица, Добрела. Территория гауяских ливов была завоевана немцами к 1206—1207 гг. Но еще в 1212 г. замок Добрела являлся центром обширного восстания. Здесь произошло последнее круп-

³ Возникновение и дальнейшая история Риги привлекали внимание многих исследователей. Из более новой литературы следует отметить работу немецкого историка Ф. Беннинговена (F. Benninghoven. *Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg. 1961*).

⁴ М. Р. Вилсоне. Археологические раскопки в городе Риге. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры. Вып. LXII. 1952, стр. 123 сл.

⁵ E. Tõnisson. Liivi kaabaskalmistud Krimuldas (с резюме: «Ливские курганные могильники в Кримулде»). «Известия» АН Эстонской ССР. Серия общественных наук. 1966, № 1, стр. 85 сл.

² A. Bielenstein. *Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands. St. Petersburg. 1892*

ное сражение ливов с немецкими завоевателями. Центральное место на гауяской территории занимала Торейда. В «Хронике Ливонии» так называется иногда вся территория гауяских ливов.

Третья, самая обширная по площади земля ливов охватывала северную часть их территории, вплоть до Эстонии. Но по населенности, а также по своей роли в политических и военных событиях начала XIII в. она значительно уступала землям даугавских и гауяских ливов. На обилие там лесов указывает само ее название — Метсеполе («В лесной стороне»). Некоторые ее районы, например, окрестности современного г. Лимбажи и бассейн реки Салацы, были относительно густо населены довольно давно. Из наиболее любопытных археологических памятников метсеполеских ливов следует отметить некоторые курганные и грунтовые могильники, а также городища. Несмотря на то, что Метсеполе немцы завоевали тоже к 1206—1207 гг., здешние ливы еще долго считались непокоренными.

Особое место среди ливских земель занимала небольшая Идумея, расположенная к северо-востоку от Торейды, в бассейне р. Браслы (правый приток Гауи). В культурном отношении идумейцы несколько отличались от коренных ливов. Возможно, имелись и некоторые этнические различия. Кроме того, в Идумее жили латгалы. С течением времени идумейцы и латгалы настолько сблизились, что образовали единую округу.

Материальная культура ливов хорошо известна по многим археологическим памятникам, исследование которых началось в первой половине XIX века. Прежде всего раскопали могильники. Изучение городищ развернулось за последние годы, преимущественно на территории даугавских ливов. Полученный материал дает широкое представление о разных сторонах быта. Весьма богат набор металлических предметов. Основной составной частью инвентаря почти каждого мужского погребения является оружие, женского — украшения. Главным оружием было копьё, но нередко встречаются боевые топоры и мечи. Рукояти мечей украшены серебром или золотом и орнаментированы. Найдены также многочисленные бронзовые, порой серебряные наконечники ножен. Серебром и золотом украшены также часть наконечников копий и некоторые топоры. Дорогим оружием особенно богаты курганы гауяских ливов. В ряде погребений обнаружены остатки щитов. От мужских поясов и перевязей сохранились металлические час-

ти — пряжки, разделители ремней, различные оковки, мужскими предметами были также бронзовые и серебряные подковообразные фибулы.

Гордость ливской женщины — ее украшения. Нагрудные цепи были распространены во всей Прибалтике. Но по размерам и количеству прикрепленных к ним подвесок цепи ливских женщин занимают первое место. В качестве подвесок применялись фигурки животных и птиц, клыки медведя, а также ножи, ножницы, ключи, игольники и иные предметы домашнего быта. В отличие от других народов Прибалтики ливы обычно прикрепляли нагрудные цепи к одежде не булавками, а овальными черепаховидными фибулами. Из шейных украшений применялись гривны и ожерелья из стеклянных бус, особенно с серебряной или золотой фольгой. Ливская территория — главный ареал распространения стеклянных бус с металлической фольгой в Прибалтике XI — XII веков. Широко представлены также браслеты и перстни. Кроме бронзовых, сравнительно часто встречаются серебряные украшения, в частности браслеты и подвески.

Большой интерес представляет ливская орнаментика. Помимо различных геометрических фигурок, распространенных во всей Прибалтике, попадаются пальметки, спиральные завитки, сердцевидные контуры и другие растительные мотивы. Применение растительного орнамента — одна из существенных черт ливской культуры, отличающих ее от материальной культуры других народов Прибалтики. В вещественном материале проявляются как тесные связи с ближайшими прибалтийскими народами, так и более отдаленные связи, особенно с Русью и Скандинавией. Чувствительность к внешним влияниям — еще одна характерная черта ливской культуры. Материальной культуре балтских соседей ливов была свойственна в этом отношении большая консервативность.

Данные письменных источников и археологии свидетельствуют о том, что центральное место в экономике древних ливов занимали земледелие и скотоводство. Это подтверждается также самим ходом заселения их территории. Заселялись прежде всего районы, которые отличались более благоприятными условиями для развития указанных отраслей хозяйства. К началу II тысячелетия н. э. в земледелии уже господствовало трехполье, значение которого значительно возросло именно с XI в. параллельно распространению озимой ржи и совершенство-

ванию сельскохозяйственных орудий⁶. С того же времени в Прибалтике шире распространяются железные наконечники, некоторые экземпляры которых найдены и в районе даугавских ливов. Сохраняли, однако, подсобное хозяйственное значение рыболовство и охота, особенно на побережье и в лесных зонах. Ливские рыбаки специально упоминаются в «Хронике Ливонии». Хронист называет также одну деревню (неподалеку от современной Риги), основным занятием населения которой было, очевидно, рыболовство.

Важной статьёй экспорта являлся воск⁷. Бортничество было широко развито во всей Прибалтике, в том числе и у ливов⁸, особенно в окрестностях Риги, где ливам принадлежали сотни бортей. Значительное развитие получило ремесло, в первую очередь обработка металлов. В кузнечном и оружейном деле первое место занимали центры гауяских ливов. Местные мастера изготавливали различные сорта стали, умели ее закалять по-дамасски, хорошо овладели ювелирным искусством, выполняли сложные заказы имущей знати.

Нельзя правильно оценить уровень развития ливского хозяйства без учета значения торговли. Прогрессу торговли способствовало уже само географическое положение территории ливов в центре Прибалтики. В их владениях лежало низовье Даугавы, очень важного торгового пути. Не случайно немецкая феодальная агрессия началась именно на берегах Даугавы. Важнейшим торговым центром был здесь Холм. Что касается Риги, то ее значение как пристани и торгового центра стало расти с XII в., когда на Даугаве появились крупные морские суда. Письменные источники свидетельствуют, что ливы занимались не только пассивной торговлей или посредничеством, но и участвовали в ней активно. Во второй половине X — первой половине XI в. большую роль играли торговые связи со Скандинавией. В ливских могильниках того периода, в частности около Холма, предметы скандинавского происхождения — обычное явление. С середины XI в. резко возрастает роль торговых связей с островом Готланд, ставшим к тому

времени крупным торговым центром на Балтийском море, и особенно с Древнерусским государством. Немалое место занимают и контакты с центрами западных славян на южном берегу Балтики.

Когда в Восточной Прибалтике появились северонемецкие торговцы, то вскоре за ними последовали католические миссионеры, а затем — отряды крестоносцев. К тому времени у ливов руководящую роль играла имущая знать, которая сложилась в результате внутреннего развития местного общества. Интересные данные получены из анализа ливских собственных имен. Из числа названных хронистом Генрихом приблизительно половина таких, которые встречаются у эстонцев, финнов и других прибалтийско-финских народов. Другая половина имеет иное, не прибалтийско-финское происхождение. Из них многие древнескандинавского происхождения, остальные — славянские либо с неотожествленными корнями. Имеются данные, позволяющие говорить о наличии семейных отношений между ливской знатью и скандинавской, что и объясняет вышеприведенный факт.

С середины XI в. у ливов появляется все больше предметов, указывающих на тесные связи с древнерусской территорией: топоры, однолезвийные мечи, наконечники ножен, различные типы поясных пряжек, бусы с металлической фольгой и пр. Удивительным сходством обладают гауяские серебряные наконечники ножен с обнаруженными в Кневе. На территории ливов найдены своеобразные подвески, которые считаются родовыми знаками восточнославянских владык. С этого же времени на ливских украшениях и оружии появляются мотивы растительного орнамента, становящиеся настолько обычными, что их можно считать далее составной частью самой ливской культуры. Ближайшие аналоги ей обнаруживаются в Древней Руси во всех отраслях прикладного искусства⁹. Проявление здесь древнерусского влияния на ливов несомненно.

Тесные связи ливов с русскими княжествами подтверждаются письменными источниками. Даугавские, а возможно, и гауяские ливы платили дань Полоцку. У ливов появляются некоторые имена русского происхождения. Возникают и родственные ливско-

⁶ Х. А. Моора, Х. М. Лиги. К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений (XI—XIII вв.). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963». Вильнюс. 1964, стр. 77 сл.

⁷ См. Н. Hildebrand. Das Rigische Schuldbuch (1286—1352). Riga. 1872.

⁸ F. Linnus. Eestl vanem mesindus. I. Tartu. 1939, lk. 133.

⁹ Ср. А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси. «Советская археология», 1961, № 4, рис. 5, 6, стр. 190, 191; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948, стр. 70; «История культуры древней Руси». Т. I. М.-Л. 1948, стр. 148.

русские связи. Упомянем, в частности, о возможном родстве семейства ливского нобилиа Каупо с древнерусскими князьями¹⁰.

Рост ливской знати хорошо прослеживается по археологическим материалам. Ей принадлежит сравнительно большое число погребений в могильниках с дорогим оружием. Отдельные погребения, отличающиеся особым богатством могильного инвентаря, связываются с верхушкой знати, которая феодализировалась и уже владела замками — центрами округов. Самое видное положение занимал Каупо, названный в «Хронике Ливонии» «как бы королем» («quasi rex»). Основная часть населения уже попала в некоторую зависимость от знати. Существовала прослойка населения, не имевшая собственного хозяйства и представлявшая собой челядь. Наличествовало и патриархальное рабство. Однако в целом ливское общество не достигло еще тогда такой ступени общественной дифференциации, как древнерусское. Ливы стояли на пороге образования своей государственности. Но отсутствие политического единства помешало ливам, как и другим народам Прибалтики, в их борьбе с немецкой феодальной агрессией, тем более что крестоносцам удалось использовать в своих целях противоречия в среде местной знати.

Много споров вызвал вопрос о первородности ливов. Следуя концепции финского лингвиста И. Коскинена, некоторые ученые считали, что ливы пришли из Карелии. Приверженцами этой миграционной теории были А. Биленштейн, С. К. Богоявленский и другие. Современная наука отвергла данную версию. Ныне не вызывает сомнения, что ливы сформировались на территории современной Латвийской ССР, в близком соседстве с балтским населением. Уже ко II тысячелетию н. э. в южной части Восточной Прибалтики доминирующими стали балтские, а в северной — прибалтийско-финские этнические элементы. В промежутке осталась широкая полоса, где возникло смешанное население. Близкое соседство этих племен и тесные связи привели к появлению в их культуре многих общих черт. Если ливов в Мет-

сеполе можно с уверенностью считать потомками более древнего местного населения, хорошо известного по характерным для прибалтийских финнов каменным могильникам, то вопрос о даугавских и гауяских ливах более сложен. Их территория до X в. принадлежала, в общем, к ареалу распространения балтской культуры. Но, очевидно, здесь должны были сохраниться и прибалтийско-финские этнические элементы. С X в. идет интенсивная ливизация района по низовьям Даугавы и Гауи как результат этнического развития местного населения и проникновения сюда, на наиболее выгодные в экономическом отношении территории, жителей из Метсеполе и Северной Курземе.

База для сложения ливской народности как исторической категории осталась узкой. Территория, населенная ливами, охватывала площадь всего в 7 500 кв. км с числом жителей около 25 тыс. человек.

Но и это население было не везде ливским, а местами перемешанным с балтами, в частности с латгалами. Между ливами и латгалами вообще трудно установить точную границу. Об этнической консолидации ливов в начале II тысячелетия н. э. можно говорить лишь в отношении придаугавской и пригауяской территорий. В других же районах слияние ливов и латгалов, начавшееся еще в предыдущее время, продолжалось. Развитию этого процесса способствовали одинаковые экономические и общественные условия, а также отсутствие резких природно-географических границ.

Многими исследователями причисляется к ливам XI — XII вв. и прибалтийско-финское население Северной Курземе (Курляндии). Но в культурном отношении последняя несколько отличается от территории на восточном берегу Рижского залива. Отметим также, что ни хронист Генрих, который получил сведения о населяющих Прибалтику народах прежде всего от самих ливов и латгалов, ни какой-либо другой источник XIII в. не называют жителей Курземе ливами. Поэтому трудно полностью согласиться с мнением тех исследователей, которые считают Северную Курземе главной зоной формирования ливской народности¹¹. Конечно, прибалтийско-финское население Северной Курземе было близко ливам и оказало заметное влияние на их этническую историю. Но это не меняет существа дела. К тому же

¹⁰ Можно отметить, что от Каупо, в свою очередь, по утверждениям некоторых прибалтийско-немецких и немецких историков-генеалогистов, начинается родословная двух самых известных семейств прибалтийского дворянства — Унгерн-Стернберги и Ливены (из более новой литературы по этому вопросу отметим работу N. v. Buddberg. *Herrenstand und baltischer Uradel*. 1956, S. 44 etc.).

¹¹ См., в частности, E. Šturms. *Zur Vorgeschichte der Liven*. «Eurasia Septentrionalis Antiqua». X. Helsinki. 1936, S. 25.

к XIII в. балтские и прибалтийско-финские элементы в Курземе были уже настолько перемешаны, что в источниках того времени ее население называется общим именем «куры», или «куроны» (Curones, Kuren)¹².

Вторжение немецких феодалов ускорило процесс ассимиляции ливов латгалами. Территория ливов стала одной из основных арен военных событий в начале XIII столетия. Численность и без того небольшого ливского населения сильно сократилась. На опустевшие земли переселились латгалы. Еще более пагубными оказались экономические и социальные последствия немецкой агрессии. Торговля, одна из главных артерий хозяйства ливов, была в значительной мере парализована. Ливская знать лишилась своих привилегий. Отдельные ее представители растворялись в среде немецких феодалов. Постепенно ливское население распалось на отдельные этнические «острова», дальнейшая судьба которых была фактически решена. Через несколько столетий из ливского населения в бассейнах Даугавы и Гауи, основных центрах ливов XI — XII вв., сохранились лишь отдельные семейства. Более жизнеспособным оказалось ливское население на севере их территории, в бассейне р. Саласы, неподалеку от Эстонии. Процесс ассимиляции здешних ливов латышами завершился только в XIX веке. В 1840-х годах академик И. А. Сегрен нашел там несколько десятков стариков, еще разговаривавших по-ливски¹³. Но они оказались последними.

Несколько иначе сложилась этническая история прибалтийско-финского населения в Курземе. Начиная с XIV — XV вв. его тоже

стали называть ливским. Главным ареалом его распространения оставалось северное побережье Курземе, территория которой заселялась тогда в основном из внутренних районов провинции, а частично, возможно, с восточного берега Рижского залива. Еще и в XVI в. прибалтийско-финский этнический элемент составлял лишь четверть населения северного побережья Курземе¹⁴. Ливизация местных жителей способствовала затем их обособленности, а также своеобразие зональной экономики, основой которой являлось не земледелие, как во внутренних районах Курземе, а рыболовство, охота на тюленей, промыслы и торговля. Большую роль сыграли также связи с эстонцами острова Сааремаа (Эзель) и ливами на восточном берегу Рижского залива. В конце XIX в. численность ливского населения на северном побережье Курземе достигала примерно 3 тыс. человек.

В результате происшедших в XX столетии глубоких экономических и общественных сдвигов условия существования ливского этнического «острова» в Курземе резко изменились. Во время первой, а особенно второй мировой войны большая часть ливов покинула свои родные деревни. Многие никогда уже не вернулись назад, погибнув в результате военных действий или осев в других районах. К настоящему времени от коренных ливов сохранилось лишь несколько сот человек. Эти последние представители ливской народности активно участвуют в жизни социалистического общества и занимают свое скромное, но реально существующее место среди других народов Советской Прибалтики.

Э. Ю. Тыниссон

¹² V. Kiparsky. Die Kurenfrage. «Suomalaisen Tiedeakatemian Toimituksia». Sarja B. Nide XLII. Helsinki. 1939.

¹³ J. A. Sjögren. Livische Grammatik nebst Sprachproben. St. Petersburg—Leipzig. 1861.

¹⁴ P. Johansen. Kurlands Gewohner zum Anfang der historischen Zeit. «Baltische Lande». Bd. 1. Leipzig. 1939, S. 276.